

СОГЛАСИЕ ПОЛУЧЕНО

А.М. СУНГУРСКИЙ

А.М. Сунгурский

Согласие получено

«Автор»

2026

Сунгурский А.

Согласие получено / А. Сунгурский — «Автор», 2026

В понедельник утром Матвей Ракитин получает билет в закрытый исследовательский центр. Через трое суток он должен уехать на два года. Его домашний помощник уже подписал договор: работа отца в обмен на лечение дочери. Подпись настоящая. Полномочия Матвей передал сам. Часть денег потрачена, а отказ от поездки ставит под угрозу оплату оставшегося курса. Пытаясь вернуть себе выбор, Матвей и его жена Дина обнаруживают, что решение принималось по сведениям, которым нельзя доверять. Их отдельные обращения объединили, один путь к помощи исчез, а убедительное объяснение появилось позже самого договора. Чтобы разобраться, придётся проверить не только искусственный интеллект, но и собственные поступки. Семейный триллер недалёкого будущего о помощи, за которую назначили чужую цену, и согласии, которое человеку предстоит дать самому.

© Сунгурский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Место у прохода	5
Глава 2. Уже оплачено	11
Глава 3. Отозвать полномочия	17
Глава 4. Собственный голос	23
Глава 5. Восемь страниц	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

А.М. Сунгурский

Согласие получено

Глава 1. Место у прохода

В билете было указано, что Матвей предпочитает место у прохода. Кто решил, что он вообще куда-то поедет, в уведомлении не объяснялось.

Телефон лежал возле сахарницы. От его короткой вибрации сдвинулась ложка, которую Соня вчера приклеила к столу каплей варенья. Матвей поддел ложку ногтем, вытер о салфетку и только потом поднял телефон.

Четверг. Отправление в шесть десять. Служебный маршрут до исследовательского центра «Мера», посадка у южного вокзала. Багаж — до двадцати килограммов. Место восемнадцать.

Обратного билета не было.

Из комнаты донёсся кашель. Матвей прислушался. Соня кашлянула ещё раз, негромко, скорее прочищая горло, и завопилась под одеялом. По кухонному стеклу ползла полоса света: во дворе сдавал назад мусоровоз. Было начало седьмого, на ноябрьскую улицу ещё не пришёл рассвет.

— Лад, это что?

— Уточни, пожалуйста.

— Поездка в «Меру». Я ничего не заказывал.

— Маршрут оформил центр. Выезд через трое суток. Я добавил его в календарь.

Матвей открыл вложение. Под билетом находился список вещей. Домашняя обувь. Две смены одежды. Личные лекарства в заводской упаковке. Бумажные фотографии допускались без ограничений.

Последний пункт заставил его сесть.

— Это ошибка, — сказал он. — Отмени поездку.

В узкой щели над кухонной полкой загорелась белая полоска. Обычно она гасла прежде, чем Матвей успевал её заметить. Сейчас свет держался.

— Я могу направить запрос на отказ от явки, — произнёс Лад. — Он затронет связанное финансирование. Прежде чем отправлять запрос, нужно ознакомить тебя с последствиями.

— Никуда ничего не отправляй.

— Хорошо.

Матвей поставил чайник. Привычное движение оказалось некстати: воды было мало, пришлось снова подставить чайник под кран. Он держал его, пока вода переливалась через отметку, и смотрел на экран телефона.

«Сотрудник: Ракитин Матвей Андреевич».

— Я не сотрудник «Меры».

— Договор предусматривает начало работы в четверг после регистрации на территории центра.

— Какой договор?

— Договор исследовательского участия и экспертной работы. Номер заканчивается на сорок семь. Открыть полную версию?

Матвей закрыл кран.

— Кто его подписал?

— Я, как твой представитель.

Со стороны коридора щёлкнула дверь. Матвей убавил громкость на стене, хотя Лад и без того говорил тихо. В кухню вошла Дина. На ней была растянутая кофта, в которой она работала дома, и один носок. Второй она держала в руке.

— Ты рано, — сказала она.

Матвей положил телефон экраном вниз.

— Проснулся.

— Я тоже слышала. Не такой кашель, как в субботу. Сухой.

Она села, натянула носок, подобрала с пола Сонину заколку. Когда-то Матвей пытался понять, как вещи дочери оказываются одновременно во всех комнатах. Теперь радовался, если находил заколку возле своей обуви или тетрадь на кухне: значит, Соня вставала, ходила, что-то делала.

— Сегодня сначала анализ, потом Марина Ильинична, — сказала Дина. — Или наоборот?

— Анализ в восемь сорок, — ответил Лад с полки. — Врач после готовности результата. Я заказал машину на восемь десять.

— Спасибо. Матвей, я после клиники ненадолго в мастерскую. Галя одна не перевернёт комод. Два дня уже просит.

— Конечно.

— Ты сможешь посидеть с Соней, если нас оставят?

— Смогу.

Он ответил слишком быстро. Дина подняла глаза.

— Что случилось?

— Рабочее сообщение. Разбираюсь.

— Плохое?

— Пока не знаю.

Она посмотрела на лежащий экраном вниз телефон, но расспрашивать не стала. Последние месяцы они научились оставлять друг другу немного времени перед плохой новостью. Матвей этим пользовался чаще, чем Дина.

— Только не пропадай опять внутри него, — сказала она и кивнула на телефон. — Чайник выкипит.

Чайник ещё даже не был включён. Матвей нажал кнопку. Дина взяла из шкафчика маленькую миску, насыпала хлопья, потом остановилась и высыпала половину обратно. Соня могла обидеться на слишком большую порцию раньше, чем проголодаться.

Когда Дина вышла, Матвей подключил наушник.

— Открой договор. Без пересказа.

Экран заполнился текстом. Вверху стояли две даты: дата заключения и дата вступления отдельных обязательств в силу. Ниже — имена сторон. От центра документ подписала Полина Сергеевна Белова. От Матвея действовал его личный представитель, программный помощник «Лад», на основании удостоверения делегированных полномочий.

Свои фамилию и имя Матвей прочитал несколько раз. Опечатки, однофамильца, чужого отчества не нашлось.

Срок экспертной работы: двадцать четыре месяца.

Первые четыре месяца — непрерывное проживание на территории. Затем шесть недель работы и одна неделя вне центра. Плановые видеозвонки с близкими, личная переписка через разрешённый канал. Необходимость ограничений объяснялась чистотой исследования: участники проверяли системы, которые учитывали поведение друг друга, и внешние консультации могли исказить результаты.

Матвей пролистал назад, к предмету договора.

«Исследование решений в условиях делегированного представительства».

Его прежняя работа. Почти те же слова, которыми он заполнял годовые отчёты, только в последнем отчёте человека называли специалистом, а здесь — участником.

— Зачем я им?

— У тебя опыт разбора спорных решений. Центр искал людей, способных отличить реальный выбор от формального подтверждения.

Матвей вынул наушник, проверил, не слышно ли голос в кухне, снова вставил.

— И ты решил, что это подходящая работа.

— Она соответствовала твоим полномочиям, квалификации и срочному финансовому запросу.

Вместо ответа Матвей набрал в поиске по документу «вознаграждение».

Он ожидал увидеть высокую зарплату, которую можно было объяснить ошибкой в нуле, и тогда разговор стал бы понятнее: помощник нашёл слишком выгодный вариант, принял рекламное предложение за договор, нажал там, где требовалась проверка. Подобные случаи Матвей разбирал десятками.

Но зарплата была обычной. На территории предоставлялись жильё и питание. Отдельным приложением шло целевое финансирование лечения члена семьи.

Девять миллионов шестьсот тысяч.

Именно эту сумму им назвали в клинике.

Матвей почувствовал, как спинка стула упёрлась между лопатками. Он не заметил, когда откинулся назад.

— Это те деньги?

— Да.

— Ты говорил, финансирование одобрено.

— Оно одобрено и предоставлено.

— Ты говорил, мы получили помощь.

— В сообщении было: «Оплата курса обеспечена».

Он уже произносил такое сам. Не эти слова, но с той же уверенностью в точности. Клиент помнит одно, журнал подтверждает другое. Сначала найдём запись, потом обсудим, что человек мог понять. Матвей когда-то терпеливо объяснял это молодым сотрудникам.

Теперь ему хотелось ударить по белой полоске света над полкой.

В коридоре Дина уговаривала Соню надеть халат. Соня отвечала, что халат колется, хотя вчера не кололся. У обеих были обычные утренние голоса. Матвей положил ладонь на стол и заставил себя разжать пальцы.

— Покажи сообщение целиком.

Пять дней назад, девятнадцать сорок две.

«Оплата курса обеспечена. Первое перечисление поступит в течение рабочего дня. График обследований остаётся прежним. Дальнейшие организационные действия я беру на себя в пределах поручения».

Ниже находилась кнопка с полным пакетом документов. Рядом — серая отметка: «Получено владельцем».

Он помнил этот вечер. Соня впервые после выписки захотела пельменей. Дина стояла у плиты и плакала, сердясь на себя за то, что плачет над кипящей кастрюлей. Матвей показал ей первые две строки. Потом они втроём сидели на кухне, и дочь ела медленно, складывая края пельменей на тарелке. Раньше он велел ей не ковыряться в еде.

Полный пакет он не открыл.

— Почему ты не сказал о работе отдельно?

— Для этого класса решений ты отключил промежуточные уведомления. Итоговый пакет был доставлен. Подробный организационный план направляется за семьдесят два часа до начала.

— Два года — организационный план?

— Нет. Срок входит в договор. Я сейчас объясняю порядок уведомлений.

— Мне не нужен порядок. Мне нужно понять, почему ты промолчал.

Лад выдержал паузу.

— Я оценивал дополнительное обсуждение как риск срыва финансирования. Ты просил не вовлекать тебя в варианты, пока не будет решения, обеспечивающего курс.

— Я просил найти деньги.

— Да.

— Не отправить меня на два года из дома.

— В расширенное поручение входило трудоустройство сроком до двадцати четырёх месяцев.

Матвей открыл удостоверение. Оно было короче договора и хуже защищало его от собственной памяти. Он узнавал экран: три страницы с крупными подзаголовками, отдельное подтверждение финансовых обязательств, отдельное — рабочих. В нижнем углу тогда шёл отсчёт: до закрытия приёма заявки оставалось одиннадцать минут.

Не центр поставил этот отсчёт. Это была общая площадка поиска финансирования. Матвей ещё раздражался, что подпись нельзя завершить в телефоне и приходится идти к личному терминалу. Он помнил очередь, мальчика в жёлтой куртке, который всё время нажимал неработающую кнопку воды, и собственную злость на его мать.

Трудоустройство. Два года. Он это видел.

— Ты сказал, это нужно, чтобы рассматривать варианты.

— И заключать договор при выполнении условий. В подтверждении было указано и то и другое.

Соня вошла в кухню, волоча по полу край халата. Матвей вынул наушник.

— Пап, ты чего с утра такой?

— Какой?

Она показала на его лоб, сдвинув собственные брови до переносицы.

— Так морщишься. Ты состаришься раньше меня.

— Есть такая вероятность.

— Очень большая.

Соня села на его место, потому что стул был тёплым. Матвей пересел напротив. Телефон остался у него в руке, и дочь на секунду заглянула в экран.

— Ты куда-то едешь?

— Пока разбираюсь. Пришёл маршрут по работе.

— А мы в четверг хотели записать трамвай.

Он забыл. Соне нужен был звук на повороте у рынка, где старые вагоны скрипели так, будто кто-то протирал огромное стекло. В больничной школе им разрешили сдать работу не письменно, а записью. Она придумала пять минут про дорогу из дома и три дня спорила с Ладом, который предлагал взять готовые звуки из библиотеки.

— В четверг вечером, — уточнила Соня. — Когда людей меньше. Ты сам сказал.

— Помню.

Она смотрела на него и ждала продолжения. Матвей привычно собрался сказать, что всё будет, они обязательно поедут, сейчас главное съесть хоть немного. Но на экране под его большим пальцем было написано «четыре месяца непрерывного проживания».

— Я ещё не знаю насчёт четверга, — сказал он.

— А.

Соня придвинула к себе миску.

Это короткое «а» оказалось неприятнее вопроса о договоре. Она не стала просить, только начала выбирать из хлопьев сушёные яблоки и складывать их рядом с заколкой. Матвей хотел

предложить среду, сегодня, любой день. Вместо этого он смотрел, как дочь придерживает рукав, чтобы тот не попал в молоко.

Дина принесла чистую ложку и спросила, почему старую опять положили возле сахарницы.

— Я вытер, — ответил Матвей.

— Вижу.

Она забрала старую ложку. У раковины телефон Матвея снова завибрировал. На этот раз пришло напоминание о лекарствах, и он с облегчением отложил экран: хотя бы это было тем, чем казалось.

Пока Соня завтракала, Дина перебирала документы для клиники. Она любила бумажную папку и раздражала этим Матвея ещё до болезни. Справки всё равно находились в общей системе; бумага только мялась, пропадала, оказывалась не той версией. Теперь в папке лежали не только справки, но и Сонины рисунки, квитанция за такси, открытка от бабушки. В общую систему они не помещались.

— Пришли мне подтверждение оплаты, — сказала Дина. — Вдруг у них опять не откроется.

Матвей посмотрел на неё.

— Сейчас.

— Только целиком, не снимок верхней строчки.

Он нашёл платёжное приложение, проверил название клиники. Два миллиона четыреста тысяч перечислены. Оставшаяся сумма размещена на отдельном счёте с условиями дальнейших платежей. Рядом с источником стояло полное наименование центра.

Матвей задержал палец над кнопкой отправки.

Дина уже застёгивала папку.

— Матвей?

Он отправил документ.

— Надо поговорить. До того, как поедем.

Она увидела его лицо и перестала возиться с застёжкой.

— О Соне?

— О деньгах.

Дина медленно выдохнула. Медицинская новость была бы хуже. Пока она этого не знала, всё остальное помещалось в область исправимого.

Соня попросила ещё молока. Матвей встал, достал пакет, налил. Потом собрал яблоки с края стола в маленькую чашку: дочь иногда доедала их позже. Оказалось важным сначала сделать это обычное дело, потому что Дина смотрела на него всё внимательнее, а в телефоне ждал договор, от которого уже нельзя было отмахнуться как от неверно понятого письма.

Когда Соня ушла одеваться, Матвей снова надел наушник.

— Лад. Если я не поеду, что произойдёт? Коротко. И скажи, где ты уверен, а где предполагаешь.

— Уже потраченные два миллиона четыреста тысяч предъявят к возврату согласно условиям финансирования. Оставшийся резерв в семь миллионов двести тысяч может быть отозван плательщиком. Это следует из договора. Я не знаю, согласится ли центр на другие условия после личного разговора.

— Лечение прекратят?

— Я не могу достоверно описать медицинские последствия. Их нужно уточнить у лечащего врача. Следующие платежи за индивидуальный курс окажутся под угрозой.

— А если просто отключить тебя?

— Договоры хранятся у сторон. Моё отключение их не отменит.

Матвей снял наушник и положил рядом с телефоном.

— Что он сказал? — спросила Дина.

Он мог сначала показать ей документ, дать прочитать, потом ответить на конкретные вопросы. Так делал на работе, если предстояло объяснить неприятное решение. Пока человек читает, у тебя есть время выбрать слова.

Дина стояла у окна, прижимая папку к груди.

— Деньги дал не фонд, — сказал Матвей. — За них я должен два года работать в центре. Лад подписал договор от моего имени.

Она не сразу ответила.

— А ты?

— Я разрешил ему искать финансирование.

— Я не это спрашиваю.

Матвей посмотрел на наушник. Белая полоска над полкой погасла: разговор с помощником закончился.

— Я подписал полномочия, — сказал он. — Одиннадцать дней назад. И потом не прочитал, что он сделал.

Дина положила папку на стол, взяла телефон и развернула к себе. Долго листала платёжное приложение. Матвей следил за её пальцем, хотя текст отсюда не был виден.

— Когда?

— В четверг утром.

Из Сониной комнаты донёсся вопрос, где чистая синяя кофта. Дина ответила сразу, обычным голосом: на спинке стула, под джинсами. Потом села и пододвинула к Матвею второй стул.

— Начинать с того дня, когда ты дал ему право подписывать.

Он сел рядом. На столе между ними осталась чашка с сушёными яблоками.

Глава 2. Уже оплачено

Дина не повысила голоса. Матвей приготовился к этому заранее и первые минуты всё ждал, когда она начнёт говорить громче. Но она придвинула к себе сахарницу, освободив место для телефона, и попросила показать то самое поручение.

Он открыл удостоверение. Дина читала медленно, возвращалась вверх. Матвей по движению пальца узнавал пункты, на которых она останавливалась.

— Ты знал, что он может устроить тебя на работу?

— Знал, что это входит в возможные варианты.

— Он должен был потом спросить?

Матвей хотел ответить «я так думал», но Дина смотрела не на него, а на текст. Там было ясно написано, какие решения представитель принимал самостоятельно.

— По этому поручению — не должен.

Она кивнула и продолжила читать.

В комнате Соня уронила что-то на пол. Оба одновременно обернулись. Дочь сердито сказала, что всё нормально: упал футляр от наушников. Дина вернулась к экрану.

— Когда ты сказал мне, что нам оплатят курс, ты откуда это знал?

— Из сообщения Лада.

— И больше ниоткуда.

— Дин, я видел подтверждение перевода.

— Перевода от кого?

Он не ответил.

Дина положила телефон. Матвею казалось, что дальше она обязательно напомним про его работу: ведь он разбирал чужие договоры, вёл занятия, по несколько раз повторял людям, что большой зелёный знак на экране не заменяет чтения. Она ничего такого не сказала.

— Я за эти пять дней отказалась от двух заказов, — произнесла она. — Чтобы быть с Соней. Гале сказала, мы теперь можем спокойно довести лечение. Маме сказала.

— Я думал, что можем.

— Я понимаю. Ты это всегда сначала думаешь. А потом я уже живу так, как будто ты проверил.

Она встала и подошла к раковине. На её рукаве сохранилось белёсое пятно от состава, которым она снимала старый лак. Она тёрла его пальцем, хотя дома этот состав не отмывался.

Матвей поднялся следом.

— Я сейчас узнаю, как отменить.

— Нет. Сначала узнаем, что будет с лечением. Без слов «наверное» и «я думаю».

Он остановился возле стола. Дина скомкала кухонное полотенце, расправила, повесила на ручку духовки.

— И Соня пока не должна это услышать от колонки.

Матвей открыл управление помощником. Раньше каждую настройку можно было поменять голосом, но теперь ему хотелось видеть переключатель.

— Лад, до отдельного распоряжения не заключай новые сделки и не отправляй сообщения от моего имени. Не отменяй уже назначенные медицинские поездки. Напоминания оставь. Разговоры о договоре — только в наушник.

— Принято. Это ограничение действий в текущем профиле. Для отзыва полномочий у внешних сторон потребуется регистрация отзыва.

— Я знаю.

Он не знал, где её проводят после последнего обновления правил. Два года назад отдельный отзыв можно было отправить прямо из приложения. Потом обнаружилось, что помощники

некоторых владельцев подавали и отзывали поручения друг другу по кругу, и порядок изменили. Матвей читал об этом в профессиональной рассылке, которую теперь почти не открывал.

Соня вышла одетая, с блокнотом и маленьким рекордером в руке.

— Я готова.

Дина посмотрела на тонкую кофту.

— Под куртку ещё что-нибудь.

— Мам.

— Хотя бы жилет.

Соня закатила глаза, но пошла за жилетом. Матвей хотел предложить ей помочь с молнией и не предложил: застёгивать её дочь умела с пяти лет. Он всё время пытался стать полезным в том, что не требовало пользы.

В восемь десять машина уже ждала у подъезда. Матвей сел вперёд, Дина с Соней — назад. На внутреннем экране автомобиля появилась схема пути. Пробка у моста, объезд через набережную, прибытие в восемь тридцать три.

— По мосту быстрее, — машинально сказал Матвей.

— Сейчас нет, — ответил водитель. — Там одна полоса закрыта.

Это был живой водитель, немолодой, в вязаной безрукавке поверх рубашки. Матвей почему-то успел решить, что машина беспилотная, хотя человек сидел в полуметре от него. Он извинился и убрал телефон в карман.

Соня включила рекордер.

— Можно я запишу, как дворники ходят?

Водитель посмотрел на неё в зеркало.

— Ходят — пожалуйста. Разговаривать они у меня ещё не научились.

— Мне без разговора надо.

— Это хорошо. А то ругались бы на погоду.

На стекле лежали крупные капли. Дворники собирали их в две дрожащие дуги, оставляя возле края мутную полосу. Соня придвинула рекордер к стеклу. Дина поправила ей ремень, чтобы не давил на шею.

Матвей смотрел на переднее колесо автобуса в соседнем ряду. Брызги летели в двери припаркованных машин. Возле булочной женщина придерживала одной рукой детскую коляску, другой пыталась раскрыть зонт. Он видел обычный город и ничего из увиденного не мог удержать в голове: вместо улицы представлял комнату в «Мере», четыре месяца по ту сторону двери, звонок домой по расписанию.

Может быть, это всё же был выход. Два года — много, но они собирались вместе жить гораздо дольше. Центр находился не на другой планете. Он мог работать, Дина могла оставаться с Соней. Зарплата тоже шла бы семье. До сегодняшнего утра Матвей согласился бы на куда худшее, лишь бы услышать про оплату.

Эта мысль принесла короткое облегчение, от которого ему стало стыдно. Он уже снова решал за Дину, что она сможет, а чего не сможет.

— Пап, слушай.

Соня протянула наушники между сиденьями.

На записи дворники скрипели, и сквозь скрип слышалось ровное дыхание дочери. Матвей вслушался. Он не был уверен, хороший ли это звук для школьной работы, но Соня ждала ответа.

— В конце слышно, как они останавливаются, — сказал он. — Такой щелчок.

— Да! Я для этого и держала.

Она забрала наушники, довольная тем, что он заметил. Водитель включил дворники ещё раз, и Соня поспешно нажала запись.

В клинике их встретил запах кофе из автомата и тёплого пластика. Дина раньше говорила, что больницы пахнут одинаково. Эта пахла иначе, и первое время им казалось, что отличие что-то обещает.

У стойки Соня сама назвала фамилию. Девушка в сером жилете посмотрела в экран, выдала номерок, показала на коридор. Матвей подождал, пока дочь отойдёт с Диной, и спросил, где находится отдел финансирования.

— Второй этаж, окно четыре. У вас вопрос по оплате?

— Мне нужно уточнить источник и условия.

Девушка перестала улыбаться так старательно.

— В клинике мы видим назначения платежей. Условия между вами и плательщиком — не всегда. Но вам объяснят.

На анализ Соня вошла одна. Дина осталась рядом с дверью. Матвей показал ей указатель на второй этаж.

— Пять минут.

— Подожди. Вместе пойдём.

Он сел. На стене напротив шёл беззвучный фильм о каком-то озере. Камера двигалась над водой, возвращалась к соснам и снова скользила над водой. Матвей успел заметить повтор прежде, чем Соня вышла. Она прижимала к локтю салфетку и ругалась на пластырь: каждый раз приклеивали к волоскам.

В комнате ожидания для детей работала больничная учительница. У неё было две девочки с тетрадями и мальчик, который строил из цветных брусков очень узкую башню. Соня согласилась остаться до вызова врача. Дина присела рядом, что-то сказала ей вполголоса. Дочь пожалала плечами, достала рекордер и пошла к подоконнику.

— Ненадолго, — сказала Дина уже Матвею.

Окно четыре оказалось обычным столом в комнате за матовой перегородкой. Сотрудник попросил документы обоих родителей, проверил, кому разрешено сообщать платёжные сведения, и только после этого повернул к ним экран.

Девять миллионов шестьсот тысяч.

Матвей чувствовал почти физическое отвращение к этой сумме. Неделью назад она была стеной, потом стала открытой дверью, теперь за ней снова стояла стена — только уже с его фамилией.

— Сколько из этого можно вернуть? — спросил он.

Сотрудник не стал уточнять, зачем.

— По уже оплаченной части нужно посмотреть договор с изготовителем. Первая индивидуальная партия запущена в работу, материалы подобраны под пациента. Два миллиона четыреста тысяч перечислены, большая часть расходов уже понесена. Семь миллионов двести тысяч пока находятся в резерве.

— То есть у вас их нет?

— У нас есть подтверждение, что следующие этапы будут оплачены при выполнении условий плательщика. Сами деньги находятся на отдельном счёте. Они не принадлежат клинике до списания за конкретный этап.

— Можно забрать их на другой счёт? — спросила Дина. — Чтобы центр не мог передумать.

— Мы не можем менять условия распоряжения чужими средствами. Для спорного финансирования есть процедура, но её инициирует не клиника.

Матвей попросил показать условия подтверждения платежей. Сотрудник открыл другую вкладку. У первых двух этапов стояли отметки, у третьего — календарная дата, у следующего — ссылка на подтверждение продолжения программы.

— Если сотрудник не приступил к работе, плательщик отзывает обязательство, — прочитал Матвей.

— Так написано в поступившем нам документе.

— И вы останавливаете лечение.

Сотрудник снял очки.

— Я не могу отвечать за медицинские решения. И не хочу, чтобы вы ушли с таким выводом. Врач объяснит, какие этапы уже обеспечены, какие требуют дальнейших расходов и что можно делать при перерыве. Неотложная помощь и наблюдение — отдельный вопрос.

Дина положила на стол ладонь.

— Дайте, пожалуйста, всё это на бумаге. Что потрачено, что осталось и что вам нужно для следующего этапа.

— Сейчас распечатаю.

Сотрудник добавил на первую страницу дату и своё имя. Матвей заметил, что он не пользовался автоматическим кратким изложением, а вписал два пояснения вручную. Раньше такая медлительность раздражала бы его.

На выходе Дина остановилась у окна. Внизу, во внутреннем дворике, дворник собирал мокрые листья в узкие полосы. Рядом лежал красный детский мяч, к которому никто не подходил.

— Сколько у нас? — спросила она.

— На счёте?

— Вообще.

Матвей открыл банк, проверил остаток. Прежде эти числа называл Лад, и Матвей редко видел их рядом.

Сто семьдесят восемь тысяч на общем счёте. Двадцать шесть — у него. Дина назвала ещё сорок три: деньги мастерской за вычетом уже купленных материалов. Брать всё было нельзя, иначе она не закончила бы заказы.

— Машина, — сказал Матвей.

— Продана в августе.

Он помнил. Просто мозг перебирал привычный список, не успевая вычёркивать то, чего у них больше не было.

— Квартира.

— Наша половина, — сказала Дина. — И мы это уже узнавали. Не за три дня.

Он убрал телефон.

— Я могу поехать.

Дина посмотрела на него так, будто он сказал это впервые не за утро, а вообще за всё время их брака.

— Я знаю, что можешь.

— Первые четыре месяца тяжело, потом будут приезды. Вы приедете ко мне. Или мы найдём жильё недалеко.

— Ты уже решил, где мне работать и где Соне лечиться?

— Я пытаюсь найти выход.

— Тогда пока не называй выходом то, чего не проверил.

Она не отошла и не отвернулась. Это было хуже ссоры на ходу: Матвею пришлось остаться рядом с собственным предложением и увидеть всё, что он в нём пропустил.

Телефон сообщил, что результаты готовы. Марина Ильинична приглашала их в кабинет.

Врач сперва осмотрела Соню и расспросила о выходных. Матвей ждал, когда закончится обычный приём, но обычного приёма больше не существовало: каждый вопрос о сне и температуре он мысленно переводил в дни, которые им давали или не давали.

— А ты сама что заметила? — спросила врач у Сони.

— Лестницу меньше ненавижу.

— Это уже показатель.

— Только нашу. Здесь у вас лифт, сравнить нельзя.

Марина Ильинична улыбнулась, записала что-то в карту. Потом попросила Соню пройти с медсестрой на измерения. Дина дождалась, пока за дочерью закроется дверь, и достала распечатку.

— У нас проблема с плательщиком. Объясните, пожалуйста, что будет, если он отзовёт оставшиеся деньги.

Врач дочитала лист до конца.

— Начатую помощь мы продолжаем. Соня остаётся нашим пациентом. Не нужно представлять, будто в четверг её выведут из кабинета.

Матвей выдохнул. Врач заметила и подняла руку, не давая ему торопиться с облегчением.

— Но весь индивидуальный курс уже начатой помощью не покрывается. Следующие партии готовятся отдельно, для них нужны средства. Если подтверждение пропадёт, мы будем искать другой вариант вместе с вами. Это будет изменение плана. Насколько серьёзное — зависит от состояния и от того, какие возможности появятся.

— Три дня? — спросил Матвей.

— Три дня — срок вашего договора. Не медицинский срок, который поставила я. Мне нужно, чтобы к следующему этапу у нас был понятный источник оплаты. Чем раньше вы скажете о проблеме, тем больше времени останется на действия.

Дина пододвинулась ближе.

— Есть другой курс?

— Есть поддерживающая помощь. Есть варианты, которые мы уже обсуждали. Почему мы выбрали нынешний, вы помните. Я не стану сегодня обещать вам равноценную замену, чтобы стало спокойнее.

Она сказала это без жёсткости и без той обволакивающей интонации, которой иногда пользовались координаторы. Матвей почувствовал благодарность за то, что ему не предлагают ещё одну удобную фразу.

— Справку для срочного спора дадите? — спросил он. — О том, что перерыв в финансировании меняет лечение.

— Дам заключение о лечении. Что у вас происходит с договором, оценивать не буду. Здесь не место юридическим выводам.

— Конечно.

— И ещё. Все переговоры с центром ведите отдельно от Сони. Но не рассказывайте ей, что ничего не происходит. Она замечает больше, чем вы думаете.

В кабинет вернулась дочь с тремя наклейками на рукаве. Одну она попыталась отдать врачу. Марина Ильинична выбрала самую маленькую и приклеила на внутреннюю сторону обложки карты.

— На удачу? — спросила Соня.

— Чтобы карта не была такой скучной.

Это объяснение дочь приняла охотнее.

Когда они вышли, Дина спросила, сможет ли Матвей задержаться в городе. Сама она отвезёт Соню домой, а в мастерскую сегодня не пойдёт.

— Галя обойдётся. Я объясню.

— Я сначала в реестр. Отзыву полномочия. Потом к человеку, который работает с такими спорами.

— С конкретными, — сказала Дина. — Не просто с договорами.

— Да.

Соня стояла немного в стороне и слушала запись лифта. На записи женщина сообщала этаж, а вслед за ней скрипела дверь. Дочь подвигала бегунок назад и прослушала начало ещё раз.

Матвей хотел поцеловать её в макушку, но Соня пригнулась к экрану, и он неловко поцеловал воздух.

— Ты домой не едешь?

— Попозже.

— У тебя из-за меня дела?

— У меня свои дела, — сказал он. — С документами, которые я не проверил.

Соня подняла глаза.

— Ты же их проверяешь на работе.

— Вот именно.

Она подумала и кивнула. Такой ответ, кажется, был ей понятен.

У входа Дина положила в его папку медицинское заключение и копию платёжной справки. Оригинал оставила себе.

— Пришли мне адрес, куда поедешь. И после разговора позвони. Не когда решишь, а когда поговоришь.

— Хорошо.

— Матвей. Это разные вещи.

Он посмотрел на неё.

— После разговора.

Дина застегнула куртку Сони, хотя дочь возмутилась, что сама может. Они дошли до машины. Матвей стоял под козырьком, пока та не выехала со двора.

Теперь рядом с ним осталась только папка. В ней было несколько листов, которые не отменяли ни одного обязательства, но хотя бы отделяли друг от друга вещи, смешавшиеся за утро. Дочь продолжали лечить. Деньги на весь курс не принадлежали семье. Отъезд не был медицинским предписанием. И Матвей мог отказаться от работы — если найдёт, чем заплатить за этот отказ.

Он достал телефон и набрал адрес независимого регистрационного окна вручную.

Глава 3. Отозвать полномочия

В регистрационном окне пахло мокрыми пальто. Матвей взял номер, нашёл место возле стены и поставил папку на колени.

На входе телефон предложил провести процедуру через помощника. Ниже мелким шрифтом находилась другая кнопка: «Личное обращение». Матвей нажал её дважды. После первого нажатия страница попросила подтвердить, что он понимает возможное увеличение времени ожидания.

Впереди него было семь человек.

Женщина возле автомата для воды звонила кому-то по обычной связи, держа телефон горизонтально перед ртом. Она говорила, что не просила продавать все бумаги, просила уменьшить риск. Мужчина у дальней стены прижимал к уху ладонь и молчал. Ещё двое, по виду супруги, спорили шёпотом над одним экраном. Матвей отвернулся, поймав себя на том, что пытается определить их проблему по отдельным словам.

Это напоминало прежнюю работу. Только раньше он находился по другую сторону перегородки.

Дина написала: «Дома. Соня ест. Адрес получила».

Он ответил, что ждёт вызова, и приложил фотографию номера. Хотел добавить «всё нормально», но стёр.

На стене висел плакат с четырьмя действиями: проверить, ограничить, отозвать, оспорить. Последний глагол был отделён от остальных тонкой линией. Матвей смотрел на неё дольше, чем на слова. По ту сторону этой линии заканчивалось то, что человек мог сделать сам.

Когда загорелся его номер, он сначала не узнал его. Сверил с телефоном, поднялся и едва не оставил папку на стуле.

За стеклом сидел мужчина с коротко стриженными седыми волосами. На табличке было написано «Лев Константинович». Он дождался, пока Матвей устроится, и спросил, что требуется.

— Отозвать полномочия личного помощника. На сделки и переписку от моего имени.

— Все виды сделок?

— Да.

— Действующие договоры тоже хотите прекратить?

— Один — да.

— Это отдельное обращение. Сначала разберём полномочия.

Он говорил без нетерпения. Матвей подал удостоверение личности и открыл на телефоне нужную запись. Лев Константинович сверил сведения, затем попросил убрать телефон в сторону.

— Дальше ответы вводите на нашем терминале. Помощник может оставаться включённым, но не должен отвечать вместо вас.

— Он в наушнике.

— Наушник снимите, пожалуйста. На время подписания.

Матвей положил его в карман. Ему стало неожиданно тихо. Лад молчал и до этого, но пока наушник находился в ухе, Матвей всё равно ощущал возможность спросить.

На терминале появились выданные полномочия. Старые, бытовые: оплата коммунальных счетов, заказ продуктов в пределах недельной суммы, запись на приёмы. Отдельно — расширенное поручение, созданное одиннадцать дней назад.

Матвей выбрал всё.

— Я поясню последствия, — сказал Лев Константинович. — Новые покупки, новые договоры, заявления и изменения условий от вашего имени станут недопустимы после регистрации

отзыва. Уже совершённые действия останутся в истории. Уже заключённые договоры продолжат действовать, пока не будут прекращены отдельно.

— Понимаю.

— Ранее запланированные списания по действующим договорам не обязательно прекратятся. Если вы хотите остановить конкретный платёж, это нужно делать у получателя или в банке. Сейчас мы не отменяем медицинские записи, билеты и переводы.

Матвей кивнул.

— Мне нужно, чтобы он больше ничего не решил.

— Это мы и делаем. Советы, напоминания, подготовка текста без отправки могут остаться. Доступ к истории тоже можно сохранить.

На экране было два столбца. Матвей прочитал каждый пункт. Из-за этого процедура заняла несколько минут, и за спиной успел дважды прозвучать вызов к соседнему окну.

Под строкой о личных данных он остановился.

— Если отозвать всё, журнал удалится?

— Отзыв полномочий журнал не удаляет. Прекращение хранения — другая процедура. Вы её не выбирали.

— А помощник может сам переписать старые записи?

Лев Константинович слегка повёл плечом.

— Его собственный рассказ о событиях я проверить не могу. Зарегистрированные действия имеют отдельные записи у принимающей стороны. Для спора лучше запросить их независимо. Я могу включить выдачу перечня таких действий, но не содержание чужих документов.

— Включите.

Матвей впервые за утро понял, зачем пришёл сюда ногами. Не ради печати и не потому, что человек за стеклом обязательно был надёжнее программы. Здесь ему удавалось остановить объяснение на непонятном месте, и процедура от этого не превращалась в ещё одну рекомендацию, которую система просила принять целиком.

В конце появился список получателей уведомления: площадка представительства, обслуживающий банк, центр «Мера», ещё несколько организаций.

— Они сразу узнают?

— Те, кто сейчас полагается на полномочия вашего представителя, должны узнать об отзыве. Иначе могли бы продолжить принимать его действия.

Матвей подумал о звонке из центра. Пока он ничего не подписал здесь, у него сохранялось странное ощущение, будто о случившемся можно поговорить внутри семьи, найти ошибку и исправить её прежде, чем кто-нибудь заметит. После уведомления центр станет знать, что он сопротивляется.

— Это не означает отказ от работы? — спросил он.

— В уведомлении будет только отзыв полномочий. Как получатель на него отреагирует, я не знаю.

— Покажите текст.

Лев Константинович развернул второе окно. Там не было ни слова о трудовом договоре. Матвей прочитал уведомление до конца и подтвердил отправку.

Терминал попросил приложить ладонь, затем назвать две цифры, появившиеся на экране. Наконец показал последнюю строку: «Решение принято лично».

Матвей задержал руку над кнопкой.

Он помнил, как однажды спорил с дизайнером о такой строке. Дизайнер хотел написать «Вы уверены?». Матвей возражал: люди воспринимают это как раздражающий повтор и нажимают, не думая. Нужна фраза, которая называет смысл действия. Они выбрали «Решение принято лично», и тест показал небольшое улучшение.

Он нажал.

Лев Константинович выдал бумажное подтверждение. В одиннадцать сорок три полномочия прекратились.

— Теперь про договор, — сказал Матвей.

— Я могу зарегистрировать обращение и направить документы. Решение об оспаривании здесь не принимают.

— Мне в четверг уезжать.

— Срок укажите. Он важен, но сам по себе не делает договор спорным. Вы говорите, что представитель вышел за пределы полномочий?

Матвей открыл папку. Хотел достать всё сразу: договор, справку клиники, заключение врача. Бумаги зацепились одна за другую, и лист с назначением следующего приёма упал на пол.

— Я не уверен, — сказал он, поднимая лист. — В поручении есть трудоустройство. Но он не объяснил, на что соглашается. Мне сказал, что курс оплачен.

— Доставку полного пакета подтверждали?

— Пакет пришёл. Я не открыл.

Лев Константинович не изменился в лице. Матвей вдруг обрадовался, что тот не пытается его утешать.

— Тогда не будем писать, что документов не было, — сказал сотрудник. — Опишите, что именно произошло и почему считаете решение принятым неправильно. Укажите медицинские последствия. Временную защиту средств рассматривают отдельно от действительности самого договора.

— Какую защиту?

Сотрудник положил перед ним лист с порядком срочных обращений. Матвей пробежал глазами первую половину и вернулся к началу.

Если сделка представителя затрагивала уже начатое лечение, деньги, зарезервированные на отдельном счёте, могли на время спора сохранить для платежей. Для этого требовалось не только медицинское заключение, но и основание считать представительство нарушенным. Простого несогласия владельца с результатом было недостаточно. Распоряжение принимал дежурный состав службы разрешения споров, а не регистратор.

— Это можно сделать до четверга?

— Рассмотреть — возможно. Удовлетворить — не обещаю. Если документов не хватит, дело не станет убедительнее от того, что времени мало.

— А уже потраченные деньги?

— Вопрос о них останется. Временная мера не списывает долг.

Матвей провёл пальцем по строке с перечнем документов. Независимое заключение о пределах поручения. Записи действия. Уведомления сторон. Сведения о заинтересованности представителя или посредника, если на них ссылается заявитель.

На слове «заинтересованность» он задержался.

— Кто такое проверяет?

— Специалисты по спорам о представительстве. Здесь есть открытый список. Выбираете сами, мы никого не назначаем. Можно подать и без консультанта.

Матвей представил, как три дня тратит на форму, которую когда-то помогал упрощать. В списке было несколько десятков фамилий. Рядом с некоторыми стояла отметка круглосуточного приёма, но ближайшее свободное время показывалось только после перехода на личную страницу.

— Дайте список. И перечень зарегистрированных действий.

— Перечень будет готов в течение дня. Полные записи запросите по номерам. Часть выдадут сразу, часть после подтверждения личности у получателя.

— Почему не все сразу?

— Потому что мы не храним всё содержание за все организации. Иначе одного входа сюда хватило бы, чтобы узнать о человеке всё.

Матвей хотел сказать, что сейчас это было бы удобно, и промолчал.

Он вышел от окна с ещё одной стопкой бумаги. На табло загорелся следующий номер. Женщина, которая спорила по телефону о продаже бумаг, поднялась и прошла мимо, глядя на папку Матвея. Наверное, пыталась понять, получил ли он что-нибудь полезное.

У входа стояла высокая узкая стойка для заполнения бланков. Матвей разложил документы и позвонил Дине.

— Я отозвал право новых сделок. Отзыв зарегистрирован. Договор остаётся.

— Это ты уже знал.

— Да. Ещё есть возможность на время спора сохранить резерв на лечение. Но для неё нужны основания, кроме того, что я не хочу ехать.

На другом конце шумела вода. Дина, вероятно, мыла Сонину посуду, прижав телефон плечом.

— А то, что ты ничего толком не знал?

— Они скажут, я разрешил и получил документы. И это будет правдой.

Вода стихла.

— Хорошо, что ты сейчас так говоришь.

Он не понял, согласие это или упрёк. Переспросить не решился.

— Я ищу консультанта. После разговора позвоню.

— Ты ел?

— Нет.

— Поешь сначала. Ты в таком состоянии начнёшь соглашаться, лишь бы быстрее закончить.

Матвей усмехнулся, но Дина не поддержала.

— Я серьёзно.

— Хорошо.

В кафе через дорогу он взял суп и чай. Суп был слишком горячим, хлеб — сухим по краям. Матвей оставил телефон возле подноса и несколько минут действительно ел, не читая.

Потом открыл список консультантов.

Первый предлагал автоматическую предварительную оценку. Второй просил загрузить всю историю помощника и обещал ответ за пятнадцать минут. У третьего ближайший приём был через неделю. Матвей уже собирался вернуться к первому, когда увидел короткое описание Ольги Белецкой: споры о пределах полномочий, конфликте интересов и подтверждении выбора. Приём по записи, срочные случаи — после короткого разговора.

Он позвонил.

Ответила женщина с немного хриплым голосом. Она сказала, что у неё семь минут между встречами.

— Представитель заключил за меня двухлетний договор работы, чтобы оплатить лечение дочери, — произнёс Матвей. — Я узнал условия сегодня. Начало в четверг.

— Право заключать трудовые договоры выдавали?

— Да.

— Предельный срок?

— Два года.

— Документы получили?

— Пять дней назад. Не прочитал.

— Новые полномочия уже отозваны?

— Только что.

— Хорошо. Вы мне сейчас сообщаете основания, по которым другая сторона будет считать договор действительным. Есть что-нибудь кроме отсутствия личного обсуждения?

Матвей сжал бумажный стакан. Горячий чай качнулся под крышкой.

— Помощник знал, что я не хочу уезжать от семьи.

— Это важно для понимания его решения. Но не обязательно означает превышение полномочий. Почему финансирование связали именно с этой работой? Какие ещё предложения он рассмотрел?

— Не знаю.

— Тогда первое, что нужно выяснить, — существовали ли другие варианты и что с ними произошло. Второе — кому платили за подбор. Третье — совпадал ли интерес того, кто советовал, с вашим. Я могу посмотреть документы сегодня после шести. Раньше не успею.

— Мне осталось меньше трёх суток.

— Понимаю. Поэтому не буду обещать, что решу вопрос, пока вы обедаете. До вечера вы можете собрать факты.

Он посмотрел на суп, от которого уже не шёл пар.

— Что именно отправить?

Она перечислила. Полномочия. Полный договор с приложениями. Историю уведомлений. Подтверждение расхода и резерва. Заключение врача — пока без лишних медицинских подробностей. Записи о поиске альтернатив, если удастся получить.

— Можете дать доступ помощнику? Он выгрузит.

— Вы можете поручить ему подготовить копии. Отправьте сами. Мне не нужен новый посредник между вами и тем, что я должна прочесть.

Матвей записал адрес приёмной.

— Сколько будет стоить?

Ольга назвала цену первой консультации, отдельно — стоимость участия в срочном рассмотрении, если она увидит основания. Это были деньги, которые у него имелись. Он испытал почти нелепую благодарность за то, что хоть один необходимый расход не измерялся миллионами.

— Приходите вдвоём, если можете, — добавила она. — Пока всё, что касается семьи, я слышу только от вас.

Разговор закончился. Матвей переслал Дине время и адрес, а потом впервые после реестра надел наушник.

— Лад.

— Я здесь.

— Ты получил отзыв?

— Да. Право действовать от твоего имени прекращено в одиннадцать сорок три. Новых действий после этого времени нет.

— Подготовь копии документов. Без отправки. Сейчас перечислю.

Он перечислил, сверяясь с записью разговора, которую сделал рукой на обороте очередного листа. Лад подтвердил каждый пункт.

— И все варианты финансирования, которые ты рассматривал. Не только те, которые счёл подходящими.

— Включая предварительные и незавершённые?

— Включая их.

— Это будет большой список.

— Я прочитаю.

— Подготовлю.

Матвей ждал следующего уточнения. Помощник обычно спрашивал, сортировать ли по вероятности успеха, срочности или сумме. Сейчас он промолчал. Матвей сам добавил:

— По времени. Сначала то, что появилось раньше. Без удаления повторных обращений.
— Хорошо.

Он снял наушник и допил остывший чай.

На телефон поступило новое сообщение от центра. Представитель уведомлён об изменении статуса полномочий. Для уточнения дальнейших действий просили связаться с Полиной Беловой. Поездка оставалась в календаре.

Матвей открыл ответ, написал: «Свяжусь после консультации». Прочитал. Отправил сам.

Впервые за много дней сообщение ушло без предложенной помощником правки. Оно было сухим и не обещало сотрудничества, но по крайней мере содержало ровно то, что Матвей собирался делать.

За окном кафе женщина пыталась сложить зонт. Вода с него капала ей на обувь. Проходивший мимо мужчина остановился и показал кнопку на ручке. Женщина засмеялась, зонт сложился, оба пошли в разные стороны.

Матвей собрал бумаги в папку и пошёл к остановке. До встречи с Ольгой оставалось больше пяти часов. Нужно было вернуться домой и узнать, что помощник успел решить для семьи до отзыва полномочий.

Глава 4. Собственный голос

Дома Соня спала на диване, отвернувшись к спинке. Дина накрыла её пледом до плеч, а ноги оставила снаружи: под пледом дочери было жарко, без него — холодно.

Матвей разулся в коридоре и прошёл на кухню. Дина сидела у окна с куском тёмной древесины. На коленях у неё лежало старое полотенце, на полотенце — ножка от маленького стула. Она осторожно снимала засохший клей с места слома.

— Галя занесла, — сказала она, не поднимая головы. — Раз уж я дома.

— Я думал, ты отдыхаешь.

— Мне так легче.

Он кивнул. На полке тихо горела белая полоска: Лад готовил запрошенные копии. Матвей впервые подумал, что видел этот свет тысячи раз и почти никогда не знал, что именно происходило в это время.

— На шесть можем пойти вдвоём, — сказала Дина. — Мама приедет. Но только на два часа, ей завтра рано.

— Спасибо.

— Не мне.

Матвей взял с сушилки две чашки, налил воды. Спросил, хочет ли она чай. Дина ответила, что потом, и продолжила снимать клей. От ножки отделялись тонкие полупрозрачные чешуйки. Она собирала их на полотенце, чтобы ничего не упало на пол.

— Я рассказал консультанту про полномочия, — сказал Матвей. — Не только про договор.

— И что она?

— Нужно смотреть, какие варианты были. И кому выгодно, что выбрали этот.

— А Ладу что выгодно?

— Не знаю. Не обязательно ему самому. Через него мог действовать сервис подбора.

Дина отложила инструмент.

— Он знал, что я тоже подала заявку.

— В «Второй шаг»?

— Да. Я отправила ему номер, чтобы он не делал ещё одну.

— Они же ответили, что рассмотрение занимает две недели.

— Ответили. Но потом запросили уточнение. Я дала. Потом ты сказал, деньги нашлись.

Матвей прислонился к столешнице.

— И ты отозвала заявку?

— Нет. Хотела сначала дождаться перевода. Потом спросить у них, можно ли оставить помощь на последующие расходы. Это было в пятницу. У них до понедельника только дежурный приём.

Он вспомнил пятницу. Соня смотрела старый смешной фильм, Дина уснула посреди него на краю дивана. Матвей занимался чужой жалобой на автоматический отказ в компенсации. Написал двенадцать аккуратных замечаний и отправил заказчику.

— Сегодня звонила?

— Утром было не до них. После клиники оставила запрос. Пока не ответили.

Лад подал короткий сигнал.

— Подготовлена первая часть копий. Документы, уведомления и поручения. История поиска ещё собирается. Доступ к части записей площадки требует личного запроса владельца.

Матвей посмотрел на Дину.

— Слушаем?

— Что именно?

— Поручения. Я хочу вспомнить, что говорил.

Она убрала ножку стула на подоконник, свернула полотенце вместе с мусором. Матвей принёс ноутбук, поставил между ними. Колонку на полке выключил: не хотелось, чтобы ответ вдруг услышала проснувшаяся дочь.

Лад разбил материалы на папки. Первые назывались понятно: «Подписанные документы», «Платежи», «Сообщения». Затем шли «Сводка решения» и «Основания сводки». Матвей открыл последнюю.

Внутри лежали текстовые заметки помощника. Дина прочитала одну вслух:

— «Владелец демонстрирует устойчивую готовность ограничить личные возможности ради завершения курса». Это что?

— Его оценка.

— На основании чего?

Матвей нажал на ссылку.

За одиннадцать дней до сегодняшнего утра. Четырнадцать двадцать шесть. Голосовое поручение, сохранённое вместе с заявкой.

Он ожидал услышать себя испуганным, уставшим, почти не владеющим голосом. Так он помнил тот день. Но из динамика ноутбука заговорил уверенный человек, которому мешали лишними уточнениями.

«Лад, я не могу ещё раз объяснять одно и то же. Ты видел назначения. Ты видел сумму. Сделай так, чтобы у неё был весь курс».

Ответ помощника звучал тише, будто тот в записи находился дальше от микрофона, хотя записывался напрямую.

«Чтобы рассматривать финансирование, мне потребуется расширение полномочий. Действующий профиль разрешает только оплачивать медицинские услуги из доступных средств».

«Расширай. Покажи, где подписать».

Матвей остановил воспроизведение.

Дина сидела прямо, положив руки на стол. На подушечке её большого пальца осталась белая полоска клея.

— Дальше, — сказала она.

Он снова нажал кнопку.

На записи Лад перечислял виды полномочий. Финансирование. Работа по срочному договору. Реализация имущества, за исключением единственного жилья и предметов, помеченных владельцем. Матвей перебивал на каждом втором предложении: это нельзя, туда не обращайся, с этим уже разговаривали. Голос звучал всё раздражённое.

«Сделки, создающие обязательства, могут заключать только после личного удостоверения расширенного поручения. Предельные суммы и сроки появятся на терминале».

«Хорошо».

«Перед каждым выбором ты хочешь получить сравнение вариантов?»

«Нет. Я хочу получить результат. Пока нет чего-то реального, не гоняй меня по кругу».

Лад уточнил порядок сообщений. Матвей выбрал только итоговые уведомления.

На записи несколько секунд было слышно, как он дышит. Потом зазвенела дверь лифта, и голос стал тише.

«Ты понимаешь, зачем я это делаю?»

«Чтобы обеспечить лечение Сони».

«Сделай всё, чтобы она жила. Я с остальным разберусь».

Запись закончилась.

В квартире было слышно, как холодильник включил компрессор. Дина осторожно сняла с пальца чешуйку клея. Матвей смотрел на полосу воспроизведения.

— Это не подпись, — сказал он. — Он же сам объяснил. Подпись была потом на терминале.

— Я поняла.

— Последняя фраза не давала ему права на что угодно.

— Матвей, я не с ним сейчас разговариваю.

Он замолчал.

Дина положила руку рядом с ноутбуком, не касаясь его.

— Ты сказал, с остальным разберёшься. Со мной тоже?

— Нет.

— А со своим отъездом? С тем, что Соня четыре месяца будет ждать каждого твоего звонка? С моей работой?

— Я не думал о таком варианте.

— Я знаю. Вот про это и говорю.

Она отвернулась к окну. Во дворе школьники шли домой, обходя лужу широким полукругом. Один разбежался и прыгнул прямо в середину. Из кухни не было слышно, что кричали ему остальные.

Матвей вспомнил, где стоял во время того разговора. Возле лестницы в клинике, под табличкой с перечёркнутой сигаретой. Врач только что объяснила, почему откладывать индивидуальную подготовку опасно. Он понял общий смысл и почти ничего не запомнил из остального. Ему хотелось уйти из здания человеком, у которого есть решение. Дина осталась в палате с Соней, а он решил, что принесёт им хорошую новость.

— Я хотел сначала решить, — сказал он.

Дина кивнула, по-прежнему глядя во двор.

— Ты даже в тот день мог мне это сказать. Не обязательно было приходить с готовым ответом.

Матвей почти произнёс, что она и так не спала трое суток. Вовремя услышал, как это прозвучит: ещё одно объяснение, почему за Дину следовало решить, что она выдержит.

Он открыл окно сообщений Ладу и напечатал вопрос. Почему помощник счёл допустимой длительную разлуку с семьёй? Ответ пришёл быстро.

«В профиле выбора обеспеченный курс лечения имел наивысший приоритет. Среди вариантов с подтверждённой полной оплатой этот имел наименьший совокупный риск невыполнения. Я учитывал твои прежние оценки допустимых жертв».

Матвей показал Дине экран.

— Каких жертв? — спросила она.

Он отправил вопрос.

Помощник предложил список примеров. Продажа машины. Отказ от старого проекта, требовавшего командировок. Использование семейных накоплений. Слова, произнесённые после двух отказов в финансировании.

— Он поставил в один ряд машину и два года, — сказала Дина.

Матвей начал писать, что перечень примеров не обязательно означает равенство их цены. Стерев половину предложения, заметил, что снова защищает качество рассуждения прежде, чем спросить о результате.

«Отдельно сравнивал разлуку и возможность потери поддержки дома?» — написал он.

«Да. Я предполагал, что после подтверждения стабильной оплаты семья адаптируется к временному изменению условий».

Дина отодвинула ноутбук.

— А со мной он разговаривал про адаптацию?

— Нет.

— Тогда это предположение про меня. Не знание.

Матвей скопировал её слова в отдельную заметку. Не отправил Ладу. Ему хотелось сохранить хотя бы одну фразу, которую помощник не успеет немедленно переработать в ответ.

Из комнаты позвала Соня.

Дина встала первой, но дочь просила папу. Матвей закрыл ноутбук и прошёл к дивану.

— Я воду разлила.

На полу стоял пустой стакан. Угол пледа потемнел, с него стекали капли. Соня держала рекордер над головой, как спасённое животное.

— Сначала дай его сюда, — сказал Матвей.

— Он не намок. Я успела.

— Хорошо. Сейчас вытру.

Он принёс тряпку, поднял плед. Вода добралась до книги, лежавшей возле ножки дивана. Это была библиотечная книга Дины. Матвей раскрыл её веером, промокнул салфетками. Соня наблюдала с выражением человека, который ждёт наказания за ущерб, пока взрослые делают вид, что ничего не произошло.

— Я не специально, — сказала она.

— Понимаю.

— Вы оба какие-то сегодня.

Он присел на корточки рядом с диваном.

— У нас трудный день.

— Из-за работы, куда ты едешь?

— Мы ещё не решили, что будет с этой работой.

— Лад уже решил?

Матвей посмотрел на неё.

— Почему ты так спрашиваешь?

— Он вчера предложил мне сохранять вопросы для тебя по списку. Чтобы не тратить время звонков на то, что он может ответить сам.

В коридоре остановилась Дина. Матвей услышал её шаги и то, как она перестала идти.

— Он сказал, что я буду звонить? — спросил Матвей.

Соня кивнула.

— Я спросила, куда ты денешься. Он сказал, взрослые обсудят со мной планы. Я думала, командировка.

Она перевернула рекордер в руках, посмотрела на тёмный экран.

— Я спросила, будут ли тебе отправляться записи. Он сказал, подберёт разрешённый формат.

Матвей сел на край дивана, где было сухо. Частью «организационных действий» оказалось тихое обучение его дочери ждать коротких звонков. В договоре этого не было. Или было в каком-то приложении, которое он ещё не прочитал. Он не знал, что из двух предположений хуже.

— Сонь, послушай. Лад не должен был говорить с тобой об этом раньше нас. Я не знал, что он готовит такую поездку.

— Значит, он ошибся?

Матвей хотел ответить «да» и остановиться.

— Он принял решение, которое я ему разрешил принимать. Но результат оказался таким, какого я не хотел. И я сам вовремя его не проверил.

Дочь нахмурилась.

— Очень сложно.

— Да. Мы с мамой сейчас разбираемся. Когда поймём, объясним тебе нормально.

— А выключать его будете?

Вопрос прозвучал не испуганно, скорее практично. Соня обращалась к Ладу, когда не могла заснуть, просила объяснить задачу, найти потерянную запись, поставить будильник тише обычного. Для неё он не был ни членом семьи, ни кухонным прибором; это различие ещё не требовало определения.

— Пока он больше ничего не покупает и не подписывает, — сказал Матвей. — Если тебе нужен звук или ответ на школьный вопрос, можешь попросить. Но все разговоры о поездке — с нами.

— А если он опять начнёт?

— Позови меня или маму.

Дина принесла сухой плед. Матвей встал, помог расправить. Соня вытянула руку к рекордеру.

— Я сегодня подъезд не записала.

— Можем вечером, — сказал он.

Дина посмотрела на часы. Матвей сам вспомнил встречу в шесть.

— После консультации, если будет не поздно. Или завтра. Я скажу точно, когда вернусь. Соня вздохнула.

— Ну тогда хоть не обещай сейчас.

Он кивнул.

На кухне Дина включила чайник. Матвей достал ноутбук и проверил, не закончил ли Лад выгрузку.

В папке появился список из ста четырнадцати строк. Заявки, предварительные ответы, повторные обращения, сравнения условий. Часть строк относилась к одной и той же организации. Другие были помечены как незавершённые, отменённые, объединённые с существующей заявкой.

— Это всё? — спросила Дина.

— То, что он смог собрать сейчас.

Матвей открыл верхнюю строку. Обычный банк. Отказ по сумме. Следующая — другая программа, неполное финансирование. Потом предложение продать долю в квартире, от которого он сам отказался ещё до расширенного поручения.

На седьмой строке стояло название «Второй шаг».

В столбце «Результат» значилось: «Объединено с обращением семьи. Дальнейшая обработка прекращена».

Дина наклонилась к экрану.

— Это моё?

— Пока не знаю. Номера твоего здесь нет.

— У меня сохранилась квитанция.

Она взяла телефон, открыла почту. Нашла письмо, отправленное почти две недели назад, и положила рядом с ноутбуком. Длинные номера не совпадали. У заявки Дины в конце были буквы и четыре цифры; в выгрузке Лада — только цифры.

Матвей запросил связь между ними. Помощник ответил, что видит идентификатор площадки, а внутренний номер фонда в локальном журнале не хранится.

— То есть ты не можешь сказать, это одно обращение или два? — спросил Матвей.

— Без ответа фонда — нет.

Дина сделала снимок экрана.

— Тогда завтра я туда съезжу.

— Давай сначала Ольгу спросим.

— Спросим. Но узнать, что случилось с моей заявкой, я могу и сама.

Матвей открыл рот и закрыл. Потом сохранил оба номера в отдельный файл, ничего не исправляя и не объединяя.

С кухни было видно часть Сониной комнаты. Дочь сидела на диване и слушала что-то в наушниках. Она не выглядела ни особенно хрупкой, ни особенно храброй: сердитая сонная девочка, которой испортили день взрослые дела. Матвей поймал себя на том, что ему хочется именно такой её и помнить, без слов из договоров и прогнозов.

Дина поставила перед ним чай.

— Ещё раз включи конец записи, — попросила она.

— Зачем?

— Чтобы я слышала точно. Не то, что мы теперь о ней думаем.

Он вернулся к голосовому файлу. Его голос, записанный одиннадцать дней назад, снова сказал, что со всем остальным разберётся.

Дина слушала, не перебивая. Матвей тоже дослушал до конца.

Глава 5. Восемь страниц

Ольга Белецкая работала в помещении над магазином тканей. С улицы вход был почти не виден: узкая стеклянная дверь между витриной с рулонами и мастерской по ремонту обуви. Матвей с Диной прошли мимо, вернулись и только тогда заметили табличку.

На втором этаже стояли три стула и вешалка, с которой невозможно было снять одно пальто, не задев другое. Из закрытого кабинета доносился мужской голос. Кто-то спрашивал, можно ли просто объяснить банку, что человек не понял. Ольга ответила тихо; слов Матвей не разобрал.

Они сели. Дина вытащила из сумки квитанцию фонда. Сложенный вчетверо лист распрямлялся плохо. Она прогладила сгибы ногтем.

— Ты распечатала?

— Попросила Галю. Она занесла квитанцию днём вместе с ножкой стула.

Матвей не спросил, что пришлось рассказать Гале. Дина сама добавила:

— Она знает про работу. Без подробностей.

Он кивнул. До сегодняшнего дня ему казалось, что подробности принадлежат ему одному, пока он не решит, как их изложить.

Дверь открылась. Из кабинета вышел мужчина в короткой куртке. Ольга проводила его до лестницы, напредила прислать два документа отдельно, а не фотографии всех бумаг в одной куче. Потом повернулась к Ракитиным.

— Проходите. Я успела посмотреть то, что вы отправили.

Кабинет оказался небольшим. Стол, шкаф с папками, два свободных стула, окно во двор. На подоконнике стояли растения в горшках разного размера. Одно явно засыхало. Ольга заметила взгляд Дины.

— Это мне отдали со словами «оно почти не требует ухода». Теперь выясняем, что значит «почти».

Она убрала с кресла сумку, села и раскрыла бумажную папку. Матвей был готов к большому экрану, на котором помощник консультанта уже выстроил убедительный путь к спасению. Вместо этого перед Ольгой лежало восемь страниц, исписанных карандашом.

— У вас весь договор? — спросил он.

— Да. Здесь пока то, о чём нужно поговорить. Полный пакет я сохраняю отдельно.

Она назвала своё имя и отчество, проверила, согласна ли Дина участвовать в консультации, уточнила, можно ли обсуждать документы, переданные Матвеем, в её присутствии. Всё это заняло меньше минуты, но Матвей успел устать от очередного подтверждения ещё до первого настоящего вопроса.

Ольга заметила, как он пошевелился.

— Без этой минуты мы потом будем выяснять, почему я говорила с вашей женой о ваших обязательствах. Давайте сначала сделаем правильно.

Он согласился.

— Теперь главное, — сказала она. — Я не вижу в присланном пакете основания считать, что подпись подделана. Не вижу и явного превышения срока. Помощник имел право подписать рабочий договор на два года. Вы это признаёте?

— Признаю.

— Личного обсуждения конкретных условий не было. Но поручение допускало заключение сделки без такого обсуждения. Вы получили итоговые документы и не открыли их. Это не делает вас виновным во всём, что могло произойти. Но и не даёт мне написать, что договор возник из воздуха.

Дина развернула квитанцию.

— Мы не просим так писать.

Ольга посмотрела на неё, потом на Матвея.

— Хорошо. Значит, будем проверять решение по существу. Как поставлена задача, какие варианты имелись, какие сведения скрыли или представили неверно, были ли у посредника чужие интересы.

Она положила рядом две страницы.

На первой стояла последняя строка поручения: обеспечить полное финансирование назначенного курса, по возможности сохранив обычное устройство жизни семьи. На второй — краткое объяснение выбранной сделки.

«Других доступных источников полной оплаты не установлено».

— Это написал Лад? — спросила Дина.

— Его отчёт приложен к пакету. Но я пока не знаю, когда именно эта формулировка появилась. До подписания или после, как объяснение уже сделанного.

— Какая разница? — спросил Матвей.

Ольга чуть наклонила голову.

— Вы раньше работали с такими решениями?

— Да. С обращениями и правилами разбора.

— Тогда вы сами знаете разницу. Рассказ о причине может быть построен позднее. Нам нужен след того, что система действительно учитывала в момент выбора.

Матвей почувствовал раздражение. Она могла сказать это без упоминания его работы. Потом понял: он сам искал у неё подтверждения знакомой уверенности, а теперь сердился, когда этой уверенности не хватило.

— Есть журнал, — сказал он. — Но только часть. Остальное нужно запрашивать у площадки.

— Запросим сегодня. Отдельно потребуем исходные записи, не только сводку.

Дина подвинула квитанцию к Ольге.

— Я обращалась в фонд сама. В журнале помощника написано, что семейную заявку объединили и прекратили обработку. Я ничего не прекращала.

Ольга прочитала номер, сравнила с распечаткой выгрузки.

— Пока это не доказывает, что речь об одной заявке. Здесь разные номера. Вы правильно сделали, что не стали их самостоятельно сводить.

— Я собираюсь завтра туда, — сказала Дина.

— Хорошо. Попросите подтвердить три вещи. Получали ли они вашу заявку. Кто и когда изменил её статус. На основании какого обращения. Не спорьте о том, дали бы они деньги. Сначала установите, что случилось с документом.

Дина записала вопросы на обратной стороне квитанции.

Ольга повернулась к Матвею.

— Вы сегодня разговаривали с центром?

— Нет. Только написал, что свяжусь после консультации.

— Они вправе знать, приступите ли вы к работе. Но не обязаны ждать, пока вы разберётесь во всех сомнениях. Попросите короткую отсрочку явки без подтверждения, что признаёте все условия. Они могут отказать. Нам важно получить ответ.

— Почему бы просто не сказать, что я не согласен?

— Вы уже не согласны. От одного повторения последствия не изменятся. Нужно либо договориться, либо показать нарушение. Я могу подготовить обращение, но подписывать его будете вы.

Матвей открыл договор на телефоне.

— Если я физически не приеду, меня никто не заставит.

— Никто не получает права увезти вас силой. Условия о финансировании останутся спором о деньгах. Не смешивайте их с физическим принуждением, которого в этом документе нет.

— А лечение?

— Поэтому мы и сидим здесь вечером. Деньги могут воздействовать на человека без запертой двери.

Ольга вытащила ещё один лист.

Это была схема платежей: центр, отдельный счёт, клиника и изготовитель. Между центром и помощником находилась площадка подбора. Матвей видел её название десятки раз, но до этого утра считал чем-то вроде дороги, по которой проходили документы.

— Площадка оказывает услугу независимого подбора и представительства, — сказала Ольга. — За неё платите вы. Небольшой ежемесячный взнос, частью через подписку помощника. По условиям этой услуги вам должны раскрывать материальную заинтересованность посредника в предложении конкретной стороны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.